

К. Баллмер

Ламоне, 21.2.51

В продолжение одного замечания о Джеймсе Джойсе

Пер. К. А. Свасьян

Когда Джойс заставляет вращаться в голове некую психическую вселенную, он является *вспоминающим*, а мир вспомненным. Может быть, вспоминая, мы и монологизируем нутром. Но действительный мир, как свершение в *настоящем*, хочет являть меня не вспоминаящим, а в *диалогическом* отношении к чему-то *внешнему*. Прежде чем я могу быть чем-то вроде "я", я существую среди людей и должен наблюдать за тем, как я прихожу из своей жизни среди людей к самому себе. Быть монологомистом я не могу по той причине, что моей внутренней жизни угодно приходить в меня извне, - но ведь и это, в свою очередь, я могу лишь тогда, если "я" вхожу в себя извне. Как фактическое свершение, я не могу быть вспоминаящим; мне приходится непрерывно практиковать жизненные ситуации, в которых я каждый раз наново, словно некая прорвавшаяся из ничто неожиданность, а вовсе не как воспоминание, извне возникаю в самого себя. Так и на этот раз такт времени потребовал от меня, чтобы я отослал отпечатанное мною 23.1.51 в Цюрих; содержание отпечатанного касалось одной главы почитания умерших, а в качестве приложения к отосланному печатному тексту мне понадобилось вложить в пакет портрет давно умершего немецкого поэта Виланда; теперь уже самому посланию предстояло позаботиться о том, вернется ли нечто трансцендентно цюрихское ко мне - в меня, или, как раз наоборот, некая бандероль (с портретом одного умершего) просто отбудет в почтовом поезде в Цюрих. И вот же 26.1.51 мне выпала честь извне из Цюриха явиться самому себе в качестве другого, именно, некой госпожи Визер, - то есть, я предстал себе извне, как я сам, из другой личности, носящей имя Берты Визер. Жизнь *кругла*, а круглое, по всей вероятности или по всей очевидности, *центрировано* (это целиком зависит от силы моей "веры", или, если угодно, моей точной фантазии, или просто моей понятливости). Центром, в предварительной инстанции, должен быть, тут уж ничего не поделаешь, "я" сам, по только никак не в качестве монологаиста и лирика, имеющего объектом собственную персону. Вовсе не одно и то же: быть центром круглой жизни или лирическим "я". Только при условии, если "я" незаинтересованно (словно мертвый) способен быть объектом собственного изучения, я могу рискнуть явиться себе, как Я-сам, *снаружи* из событий жизни. Сегодня вечером я предстал себе извне как некая совершенно не знакомая мне госпожа Берта Визер. Мне пришлось с быстротой молнии соображать и обдумывать, с чего это вдруг ты оказался Визером? В принципе и при случае, вполне почетная должность: быть Визером - разумеется, не в качестве просветленного "мудреца", а в смысле указующего на нечто¹. Что же это значит: некто умерший диалогически общается со мной, сообщает мне что-то? Конечно, если умерший есть вот этот вот, сиюминутный, *мир*, то мне как раз потребно изучать язык, на котором мир (как умерший) откровенничает со мной. Некий

являющийся миром наставник как раз и есть школьный учитель *sui generis*. Если пространство деградирующей средиземноморской религии заселено маниакальными пристрастниками, темновидцами, томящимися о противоположном, то впору предположить, что эти досточтимые сообразят однажды, что при карьере зрения дело идет всего лишь об уборке, о как бы стирании пыли с органов чувств. История с Бертой Визер приключилась, когда я провожал сегодня вечером одного знакомого на железнодорожный вокзал Малоне к шестичасовому поезду (на Лугано). Мы ждали поезда на платформе, и тут от меня не ускользнуло, что начальник станции, это была женщина, с фонарем, поздоровалась со мной, сказав "buona sera". Мне это показалось необычным оттого, что это была не статная тучная "Кампанья" (так, по имени, зовут её здесь люди), обыкновенно в это время несущая службу начальника станции, а какая-то другая, очевидно заменяющая её женщина, которую я еще ни разу не видел, разве что, прикинув мысленно, при уборке зала ожидания. Я учтиво поклонился незнакомой мне женщине; с ответом на вопрос, что же мир хотел сказать этим, можно было и повременить. Вероятно, "Кампанья" была сегодня в Лугано у зубного врача, но меня это, право же, ничуть не касалось. Она вдова, её покойный муж был начальником вокзала и Малоне, он давно уже умер. Швейцарское железнодорожное ведомство поступает вполне разумно, рассматривая пенсию вдовы и вечернее исполнение обязанностей на станции в едином комплексе. Внешне Кампанья являет величавый облик вдовы. Наверное, зубной врач, случайно упомянутый выше, вспомнился мне намеренно. У Кампаньи недавно было скверно с зубами. Её извлекли ночью из сильно поврежденной машины. Машина продавала стену на самом краю улицы, поздней ночью. Владелец и водитель машины, торговец лесом, у которого я несколько лет кряду покупал буквое дерево (его сын, молодой Балмелли, некоторое время тому назад разбился насмерть в камионе, нагруженном лесом), оказался рядом и тоже пострадавшим. Никак не лезло в голову, что несчастье могло случиться в тихое ночное время, когда почти нет движения. Потом были большие больничные и зубопротезные расходы и лишенное желчи милое шушуканье среди приветливых обитателей долины Ведеджио вдоль Готардской линии. Кампанья снова на ногах и ничуть не потеряла в достоинстве. А юный Балмелли, смертельно разбившийся сын лесоторговца - его смерть лежит во времени немногим раньше невезения в любви отцовской машины. Сын, как умерший, стал миром в целом. Но он не был сувереном в новой мироподобности своего существования после смерти, его хватало лишь на то, чтобы неумело и как попало запутывать части и элементы вселенной. В этом и лежала опасность: скажем, когда он, теперь уже из сердца мира, неловко и беспорядочно смешал воедино любовь к отцу и эрос с его близостью к смерти и опасностью для жизни (которые, по существу, конечно же, очень родственны в Боге), - именно, он сделал это до того неловко, что даже крепкая уличная стена оказалась продавленной любовной каретой отца. Люди средиземноморской религии полагают, что они "существуют", тогда как в действительности они *свершаются* из любви их умерших. Люди - случайные центры свершения, но им надлежит вести себя так, словно бы в них и находился отправной пункт инициативности. Мы, люди, свершаем из любви наших умерших, а поступки умерших, в свою очередь, суть свершения из полномочия Одного, Первого Умершего. Сказать: "я свершаюсь" всё

равно, что сказать: "идет дождь". Собственно, я не могу сказать: "я" свершаюсь; мне следовало бы сказать: то, что обозначено моим именем, свершается, или что-то еще в этом роде. Действующий субъект свершения всегда и только мир - это познание вообще не может быть оспорено в век гордой физики. Я должен проявить достаточную находчивость и хитрость, раз уж мне не терпится обнаружить в происходящем на мне свершении что-то вроде "я", с которого запускаются в жизнь мои поступки. Люди тренируются на учебном поле перехода от "свершаемости" к само-деятельности, и в целях тренировки им служат "добро" и "зло". Пользование "добром" и "злом" есть прием, посредством которого они уклоняются от задания напасть в содержательном Ничто на след некоего потенциального "Я". Если ты почтальон, твоя служебная этика обязывает тебя различать, что есть верх и низ, впереди и позади и, тем самым, добро и зло. С учетом этики хитроумному человечеству представилась возможность конвенции, по которой каждый, чтобы не быть радующимся становлению небытием, пробно и временно отождествляет себя со своим общественным "понятием": к примеру, как пользующийся уважением пекарь, вратарь футбольной команды, филателист и т. д. Люди, как свои "понятия", наверняка знают, что есть верх и низ, слева и справа и т. д. "Общество" возможно социологически, когда люди, каждый в отдельности, публично передвигают с места на место фантомы своих собственных понятий. Отсюда и счастье "доброе" и "злого". Поскольку "я" намереваюсь существовать *сам*, моя этическая ситуация заключается в том, что я попервоначально не могу знать, *кто* я есмь. Кто "я" есмь, я узнаю по способу, каким я снаружи, из внешних событий и из других людей, выступаю себе навстречу и извне подхожу к своему пока что потенциальному "я". Кто-то подходит ко мне извне и находит, что я негодяй. Рискну ли я быть "самим собой", как другой? Чем стартовать с нуля (как это главным образом дано практиковать художникам), и чем, экспериментируя, упражняться в "я", насколько легче быть собственным общественным понятием, обладать некой "профессией". Бруно (он одарен, как художник) предчувствует и знает, что социологически, будучи художником, являешься по необходимости и преступником; он упражняется в вопросе этики, в какой мере возможно и невозможно быть художником в смысле "понятия" и "профессии". Бруно одарен, как художник. Он пекарь, его отец тоже пекарь. Или точнее: Бруно был, когда я познакомился с ним два года назад, пекарем. Теперь он, вот уже год, кровельщик-жестянщик, и, как жестянщик, столь же усерден и упоен своим ремеслом, как пекарь и кондитор. Я наблюдал за ним в пекарне с полчаса, когда он готовил панеттоне к Рождеству. Не то, чтобы он строил из себя и важничал пекаря передо мной, ему это и в голову не приходит, он был при деле, в поте лица своего. Я понял, какое недомыслие торчит в угрюмом средиземноморском хныкании: "в поте лица твоего..." Я видел: это ведь и впрямь высочайшее наслаждение, если, будучи творцом панеттоне, оказываешься до такой степени умельцем, что, играючи и насвистывая, выделяешь элегантные трюки руками и инструментами в обращении с плазмой теста, при само собой разумеющейся уверенности, что труд твой вызовет восторг. Какое неслыханное счастье быть почтальоном, врачом, профессором, работницей фабрики! Но и какое низкое оскорбление всеобъемлющего Ничто в людях! Возможно, Бруно, который в настоящее время жестянщик (он рисует по вечерам), попробует еще несколько других профессий. Так как Бруно расторопен, он не лишен интереса и к

метафизическим нюансам ремесла кровельщика; он мелет чушь о неслыханно своеобразной музыкальности профессиональных шумов в воздухе, в двадцати метрах над обычными, доносящимися с улицы шумами, и о сродстве космогонических линий вдоль кровельных лотков с Ничто. Я сохранил в памяти дату дня двухгодичной давности, когда Бруно впервые посетил меня (потому что случайно это день рождения дедушки Бруно, чье тело мы потом 1 февраля 1950 года предали сожжению в крематории в Лугано, и потому что дата рождения Нонно², 23 февраля 1861 года, имеет ко мне более непосредственное отношение³. Кто-то в деревне, начал было Бруно в дверях, сказал ему, что у меня-де есть картины. Мне захотелось быть вежливым с незнакомцем: "Картины, может и есть, но..." Он: "Вот я и пришел!" Тогда он был помощником пекаря в Малоне. А вообще он был пекарем на весь кантон, неся, по поручению кантонального объединения пекарей, обязанности заместителя в случае отсутствия коллег, отбывающих воинскую службу, и при прочих вакансиях, один раз внизу в долине, другой раз наверху в последней по счету деревне на самом краю ущелья. В Малоне он провел два месяца у булочника Боббиа, который во время войны печатал в какой-то миланской типографии конфедерационные хлебные карточки (в Белинцоне у них были связаны руки), соорудил себе новую пекарню с новейшей печью фирмы Эшбах и Ко в Аарау и ко всему отстроил еще барскую виллу с га-ражем для большого американского автомобиля. Бруно проживал не у мастера, он снимал комнату в Ristorante della Posta. По вечерам с восьми до десяти часов он должен был в пекарне подготавливать всё необходимое для работы на следующий день. Работа у печи начиналась затемно в четыре часа и длилась приблизительно до десяти утра. Потом для рисования в его распоряжении оставался целый день. В конце концов ему следовало и спать, стало быть между десятью вечера и четырьмя утра. Было, поэтому, нереально и невозможно заподозрить его в том, будто он слышал, как двадцатилетний сын "Кампаньи" препирался ночью с Цилией (Цилия умелая владелица и хозяйка в Ristorante della Posta). Он спал и ни черта не слышал, баста. Посетить меня посоветовал ему столяр, мастерская которого расположена возле новой пекарни Боббиа; столяр, Эцио, готовит мне рамы для картин. Это было два года назад, тем временем Эцио отказался от своей отлично оборудованной станками столярной мастерской, он занят другими делами (вместе с Филиппо, братом Педринга), он отыскивает дешевлеший табак, красивые пачки для американских фирменных сигарет печатают ему в Милане, недавно поднялась шумиха, всё выглядело достаточно опасно, но Эцио уже снова обзавелся новым автомобилем. Когда (как в случае Эцио) "понятие", символизирующее или симулирующее человека, оказывается крайне сложным и переливчатым, так что свойственные понятию этические избитости, вроде сверху и снизу, сзади и спереди или правильно и неправильно, не срабатывают больше, тогда-то и вырастает злостный вопрос: а нельзя ли обойтись без тех, кто наводит порядок силою, нельзя ли отказаться от всех этих Terribles и Simplificateurs⁴, которые не хотят ждать, пока люди станут, поименно, своими собственными божественно-справедливыми мироначалами, и воздействовать на сброд в режиме более мягкого педагогического принуждения. В конце концов сброд живет привычками, и решение Социального Вопроса будет заключаться в том, чтобы предоставить сброду в распоряжение соответствующие привычки, которые по крайней мере

оставляют открытым путь, ведущий к участию в Человеке. Эту мысль хочет иметь помысленной во мне Нонно, которого мы год назад кремировали в Лугано под звуки "Internationale" и хора свободы из Набукко Верди. 1 февраля 1950 года, когда мы в Лугано предали огню тело Нонно, был день, принесший счастье, к тому же необыкновенно светлый мягкий луганский день. Счастье - это когда я понимаю язык мира. Мир желает беспрестанно говорить со мной. В мире, в котором я живу (в повседневном мире), Сувереном и Режиссером является ОДИН, один Умерший. Один Умерший хочет говорить со мной. С этой целью он предпринимает мировой процесс. Мировой процесс свершается, когда Один, как Умерший, вспоминает, как его *тело* становилось в миллиардах лет. Во всяком свершении мирового процесса, в великом, как и в малом, мир (Один Умерший) соотносится с самим собой, ибо у мира нет Вне. Я вовсе не обязан наживаться на умственно неполноценных научных представлениях. Насколько я вижу, сотворение мира свершается сию секунду, в настоящем. Сотворение мира значит просто: Один *становится* тем, кто он уже всегда есть. Мне же, у кого нет иного выхода, как, говоря "человек", иметь в виду себя, пообещано стать *участником* Человека, который действительно ОДИН. Умей я "правильно" жить, я признавал бы себя, как участник, включенным в самоотнесенность Одного к самому себе. Ведь Один, будучи законом режиссуры окружающих меня внешних процессов и событий, и тогда соотносится сам с собой, когда "я" способен быть внутренним партнером внешнего, подходя к себе извне, - потому что в конце концов "люди" во множественном числе нелепы, и "человек" действительно ОДИН. Поэты пьют всё еще от застоявшихся вод Средиземноморья, вопрос участия в Первочеловеке еще и не светит им. А значит, поэтам ничего не приходит в голову. Вот и знаменитый роман задается с "религиозной серьезностью" вопросом: отчего именно эти пятеро нашли свою смерть на мосту короля Людовика Святого. Но вопрос поставлен там уж очень неуклюже. Торнтон Уайлдер всё-таки слишком умен, чтобы не счесть безвкусицей попытки вычитать в истекших жизнях пятерых погибших на мосту косвенные улики некоего "плана" Провидения. Ведь скорее всего окажется, что *совпадение* смерти пятерых как раз не имеет за собой *никакой* причины. Существенным же в этом совпадении окажется то, что оно есть *почин* чего-то, некое исконное и новое начало, так как мир (когда Один становится тем, кто он уже всегда есть) каждое мгновение полагает подобные беспричинные мироначала. В честь провалившегося моста короля Людовика Святого где-то в мире была впервые помыслена какая-то оригинальная мысль, - и эта мысль приняла затем вид повозки, в которой сошлись пятеро к *началу* некоего путешествия, цель которого может стать явной в ближайшей земной жизни пятерых: может статься, эти пятеро запустят тогда сообщая в Сантьяго завод по производству мороженого или создадут спортивную команду в Буэнос-Айресе или некую религиозно-идейную корпорацию в Нью-Йорке. Во всяком случае поэтам, после того как им давно уже ничего не приходит в голову, впору было бы усвоить мысль, что мир ежемгновенно - но наново начинается в своем начале. И поэтам нечего беспокоиться из-за повторных земных жизней. Не то, чтобы плюральные люди перевоплощались "сами". Забота о повторных земных жизнях плюральных людей полностью предоставлена Первочеловеку, который для *Своих* нужд устраивает повторение растений, всходящих из прошлогодних семян, а равным образом и повторение человеческих

зачатков плюральных людей (когда он извечно становится тем, кто он всегда уже есть; когда Один Умерший вспоминает, как становилось его тело). Повторные земные жизни не больший повод для беспокойства, чем в Веймаре перворастение, которому равным образом подобает высаживать из себя бесконечные растительные формы, между тем как в Веймаре, конечно, не было и в помине мысли о том, что подснежникам потребно претворять "себя" в жизнь. Дело в том, что Один имеет в своем распоряжении плюральных людей, как соучастников Своего Человека. Ибо (скажем это по секрету менеджерам средиземноморского мифа): если наше прошлое, как детей Божьих, всегда было неопределенным, то из детей Божьих мы стали тем временем участниками Человека. Мы избавились от вздора, будто "жизнь" блистательнее смерти, умения быть мертвым. Выступлю ли я 1 февраля 1950 года извне себе навстречу из завершения Нонно, посвятившего свою жизнь справедливому между людьми, этого нельзя было знать заранее, нужно лишь постоянно выжидать случай. Если бы я умел "правильно" существовать и жить, мое интимнейшее существование, включая повседневные события, было бы всегда содержательным *вопросом*, который мне следовало бы выводить из *ответа*, содержащегося в событиях окружающего меня мира; подступающие ко мне извне события имели бы свой закон в собственной моей сиюминутной подвижности, что значит, я постоянно приходил бы себе навстречу, как сам, извне. Крайним случаем такой законности было бы, если бы я пришел себе навстречу, как сам, из чего-то только что завершено, из какого-то умершего. В жизни я не встречался с Нонно, но он родился 23 февраля 1861 года. Он завершил, дожив до 89 лет, храбрую жизнь честного малого, заменившего маниакальную помешанность на Боге сильной верой в справедливое между людьми, верой в справедливое, которое следует сотворить между людьми. Но откуда было знать Нонно, что справедливое - это главным образом дело умерших, из любви которых свершаются люди? Иерархи средиземноморского мифа, конечно, захотят однажды научиться выступать себе навстречу в качестве своих умерших. А пока еще мастера средиземноморской религии прилежно репетируют старые тексты, в которых не предусмотрено то да сё. В предестинационных текстах Павла не предусмотрено, что студ. теол. Матис (Матис - это имя, а не фамилия) должен был 21 июня 1941 года насмерть расшибиться в Швейцарских Альпах, потому что в этот день походные колонны Адольфа Гитлера двинулись на Москву. Матис был избран, чтобы экзерцировать всю любовь сына к отцу, всю любовь отца к сыну, также всю любовь к персоне "народ" (замешался ли Матис в колоннах фюрера, с пением встающих на бой против одного Супостата?). До повреждения отцовской любовной кареты в священнических экзерцициях дело не дошло, но студ. теол. Матис Барт как-никак был родным сыном Божьего ученого Барта, как раз медитировавшего тогда в Бонне проблему фюрера. Справедливое среди людей есть, прежде всего, великая забота умерших, ибо умершие стоят ближе к происходящему в действительности мировому процессу, который и сам есть Один Умерший, чем живущие. Нонно, после годов учения и странствия, позволивших ему увидеть мир, стал в своей родной деревушке, расположенной у склона Монте Дженерозо, мелким частным предпринимателем по изготовлению часов, и стал, как ни странно, в своей родной деревушке первым социалистом и основателем профсоюза. Тогда еще социалист ни в коей мере не было обозначением для безупречной буржуазности, как нынче;

тогда (в обязанности Нонно входило, кроме прочего, содержание семьи, состоящей из десяти голов) единственный социалист в деревне, строго блюдушей традиционный уклад жизни, должен был считаться с тем, что навозные вилы угрожали его личности, а огонь дому первого социалиста, ибо тогда социалисты улаживали возможные трудности не политическими симпатиями к церкви, они не ходили к мессе и были полны решимости служить справедливости в качестве честных атеистов, их Божественным было Справедливое. Сильным программным пунктом в отважном жизненном пути Нонно было его ведущее участие в борьбе за право на кремацию в кантоне Тессин; Нонно верно учуял разлад между современной физикой и эсхатологией римской догмы. Когда Нонно еще молодым человеком распорядился на случай смерти кремировать свое тело, он отошел тем самым от некоего публичного вероисповедания и стал изгоем. Симпатичны мужи из низов, рискующие *жить* познания высокой науки, тогда как ученые накрахмаленного университетского материализма не могут позволить себе этого риска из соображений чиновничьей бюргерской добропорядочности. Некрологи на смерть Нонно в соответствующей тессинской прессе гордо и с благодарностью рассказывали *vita* превосходного человека. 1 февраля произошла церемония прощания в двух актах. Я принял участие лишь во втором акте в крематории в Лугано. Первый акт траурного празднества разыгрался в родной деревушке Нонно у склона Дженерозо (где в трактире в зальчике висит собственноручно подписанная фотография Герхарда Гауптмана, написавшего здесь книгу, я думаю, "Еретика из Соаны"). Тамошнее празднество приняло форму некоего, как сказал мне Бруно, философски не бессодержательного чествования Нонно одним из руководителей кантональной партии, господином Вазини. После чего деревенские сотоварищи Нонно вместе с членами семьи сопроводили в автобусе труп Нонно в Лугано, они должны были чувствовать себя любопытными участниками некоего рискованного предприятия, ибо им никогда еще, пожалуй, не приходилось присутствовать при кремации и траурной церемонии без священника. Прощальные слова, чествующие Нонно, произнес в крематории другой господин из партии, редактор кантональной партийной газеты. Смерть Нонно хотела быть одновременно тайным и публичным поводом для празднования мысли справедливого. Так, значит, справедливое - это "мысль"? А право, очевиднейшим образом, - не просто сила? Следовало бы точно знать, что, в мире, есть "мысль". Нонно не испытывает теперь никаких затруднений, когда я рассказываю ему, что, в мире, есть "мысль"; ведь с мертвыми легче совместно думать, чем с живыми, мертвому я могу спокойно рассказывать о дерзости и мерзости плюральных людей. Дерзость и мерзость людского народца (плюральных людей) не может обходиться без формул. Несколько тысячелетий в силе была формула (досточтимые греки подложили под нее философский фундамент): Некто, лишенный тела, наверху, мыслит, после чего Он по образцу помысленного создает мир. Долгое время с формулой этой прекрасно ладили, но потом, вот уже несколько столетий, друг за другом стали случаться аварии. Да и как это было бы возможно: мыслить без тела? Медики давно уже пришли к согласию, что мышление связано с телом, они лишь не могли найти, как и откуда чтобы превратиться из неприличных материалистов (и кальсонно-глубинных психологов) в материалистов приличных. Оттого в силу вступает новая формула мира, посрамляющая заодно и буржуазный материализм

коммунистических русских, которые ведь только для того и очутились в Германии, чтобы познакомиться с *серьезным* материализмом (не с фатально буржуазным материализмом марксизма), с материализмом Бога, Первого Материалиста. Новая формула мира (она приходит на смену формуле Средиземноморья) гласит: *Один, один Умерший, вспоминает, как становилось его тело*. Вот формула, по которой мир, мировой процесс ежесекундно свершается между своим началом и своим концом, которые оба приходятся на настоящее. Главное в этой новой формуле мира есть *тело*, которое фактически не различимо с вспоминающим себя Одним, будучи "Я" Одного. Первый Субъект и Субъект Мира есть, таким образом, принципиально *тело* (это сказано, между прочим, и из-за современных факиров физики, которые громоздят свои экстравагантности, упуская из виду элементарное соображение, что мир, как объект физики, есть *тело*). Когда одно отличное тело *может*, чего не может какой-то булыжник, именно: соотноситься с самим собой, тогда дана возможность "мышления". Тело соотносится с самим собой (становясь тем, что оно уже всегда есть), это есть: МЫШЛЕНИЕ. Мир, мировой процесс есть отношение-к-самому-себе Одного Тела, которое есть "Я" (русские намерены сейчас в Германии учиться этому). Мир, в большом и в малом, есть, стало быть, мышление - как *actio* Одного Мирового Тела, и оттого Бог (дело вовсе не в имени "Бог") есть Первый Материалист. Фридрих Энгельс явно поспешил, объявив рабочих наследниками немецкой философии, ибо немецкая философия не располагала еще к тому времени новой формулой мира. А сегодня было бы просто издевательством, вздумай, скажем, университет бахвалиться лозунгом: знание - "сила". Маркс поступил правильно, он поймал буржуазных щеголей образования на слове, когда они утверждали, что мысль - это самое недействительное и необязательное в мире, - и доказал благочестивым и патриотичным университетским господам, что их разумность, их посвященность в мистерии Бога и их твердолобие есть ровным счетом не что иное, как идеологический дым, чадающий над профессорским домашним бюджетом из исключительной действительности хозяйственных материальных процессов. Маркс не опровергнут и в том случае, когда научно образованный римский папа как раз в том же месте говорит "Бог", где Ленин говорит "материя". У папы и Ленина приблизительно один и тот же Бог, под различными именами, Бог обоих не может мыслить: папский Бог оттого, что он не есть тело, а ленинский Бог оттого, что он ведь и сам лишь вымыслен буржуазными немецкими философами. Фигура Божества "материя" страдает стилистическим изъяном, так как в буржуазно-христианско-большевистском пантеоне науки предполагается, что она есть *причина*, к примеру, причина моих чувственных ощущений. Ошибка стиля этого Божества в том, что оно *безответственно*: Бог, слишком трусливый, чтобы в своих чувственных восприятиях снаружи являться *себе самому*, есть безответственный Бог-Бюргер, полагающий, что он чересчур аристократичен, чтобы самому быть бременем и лишениями мирового процесса. Сомнительными экзистенциями оказываются и фигуры Богов, которые, чтобы не совсем запамятовать свое происхождение от человека, готовы быть хотя бы "силами", мировыми силами, целой иерархией: "силой тяготения", или "силой солнца", как тепловой силой и световой силой, силами электричества, магнетизма, с недавнего времени и "атомной силой". Подозрительным и фатальным является способ, каким обнаруживают себя этого сорта силовые Боги; их открытие

возможно единственно с помощью оборудования физического кабинета, и причина их моральной индифферентности и нейтральности лежит как раз в достойных изумления измерительных аппаратах физического института. В свое время из пантеона науки получится балаган смехотворности человеческой дерзости и мерзости. Относительно "сил природы" не останется в целом никаких сомнений, что они суть силы наших умерших, свершаясь из полномочия Первого Умершего. В конце концов не удивительно, что инструментами и приборами физической науки нельзя было открыть мировой силы и природной силы справедливого. Тысячелетия назад Платон говорил о мировой силе Благого и Справедливого, но этот грек жил в обывательском предубеждении, что мир и человек суть две различные вещи, а не Один, к тому же Платона никак не хватало на то, чтобы понимать под Богом тело (даже Спиноза не мог еще отважиться на это неслыханное предположение, хотя великий Спиноза первым понял тщеславную буржуазную безответственность средиземноморского Бога). Следовало бы, со времен Спинозы, поверх обывательских бредней об истории и мировой истории, догадаться, что *становлению* некоей вещи предшествует *сама* вещь: Один *становится* тем, кто он всегда уже есть; Один, Один Умерший, вспоминает, как становилось его *тело*, что значит: в самом большом, как и в самом малом свершении мира не происходит ничего, что не подпадало бы под содержание: Один становится тем, кто он есть.

(17.2.51. Пока я пишу об этическом, пока я рассказываю Нонно, что, в мире, есть "мысль", вчера я вместе с Бруно внезапно умер смертью доктора *honoris causa* Бёклера, скончавшегося в Кёльнской университетской клинике от паралича сердца за несколько дней до своего 76-летия, Бруно появился вчера неожиданно без предупреждения, приехав утренним поездом в четверть восьмого, чтобы основательно привести в порядок пропускающее воду окно верхнего света на крыше мастерской, просто потому что ему это вдруг взбрело в голову, мне теперь не терпится узнать, сообщит ли радио Беромюнстер о смерти профсоюзного вождя Бёклера, того самого, кто инсценировал спектакль получения рабочими права на участие в совместных решениях по горной промышленности, известие о смерти я услышал сегодня сначала в 5ч. 15м. из Кёльна, а в 5ч. 45м. из Гамбурга. Историю с Бруно и доктором *h. c.* Бёклером я расскажу позже. Радио Берн в 6ч. 15м. не сообщило ничего о смерти Бёклера, также и в 7ч. 00м.)

О названном Умершем нельзя сказать, что он заполняет содержание понятия "человек", бесстыдно измышленного плюральными людьми, но так как он, вне всякого сомнения, Человек (и, несомненно, Справедливый Человек), на нем, напротив, и может быть впервые в подлиннике добыто содержание "человека", именно в первый раз. К справедливому содержанию "человека" в подлиннике относится то, что человечеству плюральным людям дан шанс индуцировать центральный философский вопрос "что есть человек?", как вопрос, из *ответа*. Где

же еще, как не на ответе, учатся умению ставить вопрос!? Из справедливого ответа в подлиннике я узнаю между прочим, что страдающие стилистическим недугом бюргерские Божества физики гравитация, свет, теплота, электричество, магнетизм и т. д. суть реальные психологические процессы, мировые силы физики, как и мировая сила Справедливого (в становлении Одного тем, кто он есть). Таким образом, справедливое и вправду есть некая "мысль" в мире. Чтобы как следует оценить мысль справедливого, после того как теперь известно, что в действительности есть "мысль" и "мышление", можно заняться феноменологией, то есть, дать миру возможность самому обнаруживать, как в физике его повседневных процессов, которые, к примеру, составляют мое существование и всё, что к нему относится, справедливое хочет деятельно быть на виду. Бюргерские феноменологи исследуют мир по инструкции "сознание", причем им всего лишь неведомо, что сознание - это характерное свойство *мира*, просто одно из имен для *первой* и единственной мировой силы (имя для процесса силы: Один становится тем, кто он уже всегда есть). Начало панихиды по Нонно в крематории Лугано 1 февраля 1950 года было назначено на четыре часа пополудни. Я должен был воспользоваться поездом, отбывающим из Малоне в 13ч. 40м.; в Лугано у меня было бы еще время до начала праздника просмотреть газеты и купить цветы; из симпатии к Нонно, хотя я никогда не встречал его в жизни, я чувствовал себя обязанным поприветить его букетом ярко-красных гвоздик; я не мог знать, что друзья Нонно сговорились сложиться и поднести вместо цветов некоторую сумму. Погода в полдень 1 февраля выдалась радостно светлой. На платформе в Малоне я встретил Гогенгейм в сопровождении соседской жены, энергичной немецкой швейцарки, обе направлялись в Лугано по договоренности с господином Вазини из Camera di Lavogo⁵. Я не мог на платформе знать (я узнал об этом уже после кремации от Бруно), что господин Вазини в Лугано, с которым обе дамы условились о встрече, был делегирован произнести в родной деревушке Нонно торжественную речь в честь Нонно, философски не лишнюю содержания (если верить Бруно, которому пришлось на автомобиле своего тогдашнего хозяина-пекаря из горной глуши осилить сорок километров спуска, чтобы подоспеть к выступлению господина Вазини). В Лугано в половине четвертого, направляясь в крематорий, я снова повстречал на улице обеих дам, шедших из Camera di Lavogo, где они, к сожалению, не застали господина Вазини, но, тем не менее, после беседы с заместителем господина Вазини пребывали в доброй уверенности, что наболевший вопрос Гогенгейм в конце концов будет всё-таки улажен. Фрейляйн фон Гогенгейм-Штауффенбах, из генеральской семьи, - беженка с Востока, семья в 1945-м потеряла всё, фрейляйн фон Гогенгейм работает в Малоне квалифицированной садовницей, замечательная девушка, любящая свое дело и прилежная, работающая за двоих, она вдохнула жизнь в запущенный огород пансиона "Юлиана", а заодно и в птицеферму поблизости. В Швейцарию она приехала на основании договора о найме с хозяйкой "Юлианы" (как это требуется нынче конфедерационными и кантональными властями), в договоре месячное жалованье профессиональной садовницы (пожалуй, больше из гельветически каритативных соображений, чем на основании социальной науки) было означено суммой в 50 франков. На эти деньги фрейляйн могла послать в Германию своей семье и своему жениху немного кофе и прочих вожаделенностей. Первое месячное

жалованье "Юлиана" выплатила целиком, на второй месяц оговоренная сумма в пятьдесят франков была выплачена лишь частично, мало того, хозяйка "Юлианы" сама еще занимала у Гогенгейм в долг. Целых полгода или дольше зарплата не выплачивалась вообще. Уже две недели как мы взялись помочь Гогенгейм отстоять свое право и свои деньги. Нужно было хорошо обдумать способ, каким предстояло действовать. Подать в суд не имело смысла по местным тессинским соображениям. Значит, оставалось хлопотать в Белинцоне перед кантональным правительственным учреждением, давшим иностранке визу на въезд и разрешение на работу. В Белинцоне старания мои увенчались успехом: то есть, мне было подсказано, как следует действовать: некий любезный кантональный господин доверительно открыл, что хотя Белинцона, в этом нет сомнения, признает и защитит доброе право садовницы, свои деньги фрейляйн всё же не получит, в этом направлении Белинцона не может ничем помочь, единственно целесообразный путь был бы, если дама связалась бы с Camera di Lavoro в Лугано, Camera di Lavoro - это институт профсоюзов, а у них разговор короткий, они накладывают арест на имущество должника, и поскольку "Юлиана", надо полагать, захочет избежать ареста имущества, сумма будет выплачена, и фрейляйн получит свои деньги, всякий другой путь был бы излишней затратой сил. Один малонский сосед, лично знакомый с руководителем Camera di Lavoro в Лугано, господином Вазини, смог устроить встречу Гогенгейм с господином Вазини, в один из незанятых дней садовницы, именно во вторую свободную половину дня, а жена соседа, энергичная немецкая швейцарка, вызвалась сопровождать знатную фрейляйн из-за незнания ею языка. И вот же у господина Вазини в условленное послеобеденное время планы непредвиденным образом расстроились, он поручил дело заместителю, но во всяком случае юридическая консультация любезного кантонального господина в Белинцоне оказалась солидной, Camera di Lavoro написала хозяйке "Юлианы" соответствующее письмо и дело было улажено, юлиановская дама даже раскошелилась и уплатила Гогенгейм при её отъезде в Германию двадцать франков сверх обычного, очевидно, чтобы и дальше упражняться в роли госпожи и оставаться, как покровительница, в рамках своего типа. Наверное, тип объясняется голландско-колониально-индонезийским смешением кровей (с евангелическим уклоном) хозяйки пансиона. Так как полукровка и голландка моя соседка, я много лет неминуемо был реципиентом импрессий, которые надлежало соединять и упорядочивать соответствующими понятиями. Жить долгами и обманом не представляет собой ничего особенного, напротив, неким респектабельным в своем роде умением является обманывать с методичным цинизмом и вынуждать обманываемых иметь в обманщице свою покровительницу. Изысканная дама впечатляюще плачет при частом поминании своего умершего три года назад мужа. Безупречный и умелый господин был прежде голландским школьным учителем, он умер от туберкулеза, его тело было кремировано в Лугано, он с честью, хоть и стеной, провел пансион сквозь тяготы военных лет. После его кончины дом пришлось всё-таки продать. Некий базельский господин (господин из Малого Базеля), занятый во время последней войны содержанием отеля в Италии и сравнительными исследованиями об американских и немецких постояльцах в офицерском чине (он одолжил мне недавно "Майн Кампф" Адольфа Гитлера, я давно уже собирался как-то при случае прочитать книгу), приобрел пансион. Он

поведал мне через садовую изгородь, голландка-де сказала ему при выезде, будто в самом конце подвала находится некая урна с прахом, которую- де оставила какая-то бывшая постоялица, неизвестно где обитающая ныне. Я почувствовал себя, из уважения к возможностям любви и ненависти, задетым: "Вы, что же, ничего не понимаете?" Умный базелец принял мою инспирацию, и сообщая мы произнесли девиз: "Она оставила его в подвале". Люди "свершаются" из любви умерших, при этом может статься, что любовь умерших передевается в ненависть живущих, во всяком случае я начинаю догадываться о конце и начале запутанного клубка, если я прежде всего постигаю мысль: люди свершаются из любви своих умерших. Значит, люди, когда они свершаются, "несвободны"? Но ведь дело идет о том лишь, чтобы чуть-чуть расшевелить ленивый ум. Мои свободы не навязываются мне, ни дарятся, их я создаю себе сам, их я беру себе сам, я сам есть делатель моей моральной фантазии, - и *причины* моих свобод я *вижу* в той мере, в какой я научился - немонологически - подходить к себе извне из других. Я чуть было не опоздал к началу празднества по Нонно в крематории Лугано, путь пешком до крематория оказался немного длиннее, чем мне помнилось. При входе в помещение крематория я мог как раз последним присоединиться сзади к большой группе входящих, это были одни мужчины, выглядевшие так, словно они вот- вот явились с работы, урвав полчаса, чтобы почтить Нонно. Зал прощания был заполнен людьми. Спереди в середине, немного возвышаясь над несколькими ступенями, ящик с открытой двустворчатой дверью, внутри зримо гроб. От обычных цветочных декораций здесь не было ничего. Я стоял совсем позади в помещении, и теперь мне нужно было возложить мой букет красных гвоздик на ступень лестницы перед самым кончиком гроба. Я сделал это в радостном настроении. Стены пространства вопрошали: "Откуда еще взялся этот?" От Бруно я получил комфортабельный комплимент, немножко из-за хорошего пальто: "come un generale"⁶. Бруно распорядился, чтобы я занял место среди членов семьи в самом первом ряду стульев, он представил: своего отца, как сына Нонно, братьев, двоюродных братьев. Там были только мужчины, ни одной женщины. Теперь мне интересно, что же будет дальше. Раздаются звуки органа. Значит, по всей видимости, как обычно. Я настораживаюсь - Верди! ну да, настоящие целые пассажи Верди! Опера Набукко! Очень красиво и очень радостно, необычно. Я сразу же убежден, что сам Нонно распорядился, чтобы это было так. По-праздничному радостно, прекрасно. Тут слово взял кантональный господин представитель рабочего движения, он говорил так, что я проникся симпатией, он говорил, стоя в пальто, повернувшись спиной к собранию и как бы обращаясь к мертвому телу в гробу, словно бы он вел с Нонно дружескую беседу. Говорил он превосходно, без рисовки, эти латиняне гораздо красиво говорить, но при этом, естественно, не обошлось без сумасбродного недоразумения Средиземноморья: тело Нонно есть-де сам Нонно, между тем как в действительности тело Нонно лишь дает знать, что Нонно, как возможный "я", пытался в одной истекшей жизни отождествить себя с телом (которое, по сути, будучи мировым телом, на деле является ОДНИМ). Смерть людей есть великий центральный акт в этой драматической попытке отождествления, отождествление никогда не удается плюриальным людям (осуществленное отождествление было бы "мышление"), плюриальным людям надлежит в повторных земных жизнях приобретать себе опыт

отождествления, плюральные люди должны непрерывно блюсти середину между готовой формой и необузданной стихией становления Человека, который Один, постоянно становясь тем, кто он уже есть. (Об этом должен был я думать, когда после кремации Бруно быстро подвез меня еще на машине своего хозяина в район Мендризио к общему нашему другу-художнику, когда мы, проехав Ранкате, достигли вершины, оставив позади полную луну над предгорием Дженерозо и видя перед собой над итальянскими горами за Лаго-Маджоре багрянец заходящего солнца. Мы воздали должное дню, отдавшись впечатлению этого редкостного зрелища: полная белая луна и красный солнечный диск одновременно на продохотворенном вечернем небе, зеркало противостояния застывшей формообразующей силы и становящегося могущества солнечного огня: к космогонической характеристике часа.) После симпатичного *discorso* господина рабочего вождя и редактора я ждал, что орган заиграет снова, однако мне и в голову не приходило, что на освященном органе мог бы быть сыгран и "Internationale", но тут орган и впрямь во всю мощь зашумел звучаниями "Internationale". Все поднялись с мест, облако по-мужски серьезной радости заполнило пространство, я держал шляпу в левой руке, на свисающей вниз правой руке я наблюдал, как она ощутимым образом и вроде бы осмысленно сжалась в кулак. Я заметил, что мужчины, столпившиеся в зале прощания, двинулись, вероятно по уговору, в сторону угла, к боковой двери, которая должна была вести в кремационный зал. Я присоединился к ним. В кремационном зале, где можно было сквозь смотровую щель видеть в биениях пламени труп, сбрасывающий свою форму (левая рука Нонно еще свободно висела в воздухе, в то время как основание сложенных рук и правая рука уже исчезли), произошло нечто захватывающее: мужчины были в экстазе, я никогда не видел ничего подобного, они испытывали, представляествуя за многих, удовлетворение Ничто. Они и в самом деле видели собственными глазами, что тело покойника не подчиняется уже никакому начальству, что для него равным счетом ничего не значит научный авторитет деревенского кладбища возле церкви. Эти славные малые нутром ощущали, что церковная физика осрамилась перед миром, они знают это смутно, но всё же они знают это, что только то, что они злы, может еще быть их богослужением. Со временем можно будет однажды разгласить им кое-что о божественном смысле зла (т. е. их "свободы"). Спрятанная в мифе действительность не для детей и римлян. Какое высокомерие людского отребья: в Адаме-де они оскорбили Бога! Эти хвастуны приписывают себе свободу и способность оскорбить Бога, словно бы способность быть злым ни находилась целиком в распоряжении самого Бога! Словно бы Первый Человек, словно бы Бог мог *становиться* тем, кто он ныне и присно *есть*, иначе, чем через то, что, экспериментально производя свое *тело* на восходящем ряду животных, он в соитии животных скотин и человеческих скотин впервые улучил случай, ощущая, идентифицировать *тело* как "Я"! Грехопадение: но этим, пожалуй, захочет всё-таки оказаться сам Бог! Первому Человеку следовало самому быть злом, если уж дело шло о способности *тела* быть душой и, значит, возможности участия в Человеке, который есть Один. Круг полномочий средиземноморского мифа (и Санкт Фрейда) ограничен, официальным языком новой администрации Мистерий зла будет не латинский. Павлианский лозунг "смерть - возмездие за грех" получит еще напоследок истинный смысл:

капитал - это не привилегия обладания, но по существу своему долг⁷; капиталистический предприниматель мирового процесса, Творец Смерть, вкладывает бытие и становление своего тела, как долг и капитал, в свое предприятие. Некий Умерший, умелец Зла, несет вину за смерть плюральных людей. Следует оставить на усмотрение Перво- человека, захочет ли он в своем мировом предприятии быть себе, в качестве Христа, великим помощником. Римлянам и карфагенянам желаю я приветливой весны. Ceterum censeo Aeternam mori non posse⁸, что значит, паганистическое "бессмертие" - это просто стыд и срам, когда могущественность Бога лежит в умении умереть и умении быть мертвым. Нечто подобное думал я сообщая с Нонно, ибо легче думать вместе с умершими, чем с так называемыми живыми, при этом следует лишь учесть, что настоящее умершего, который мыслит, падает по времени в *будущее* его существования. В автомобиле Бруно, когда мы ехали широкой горной дорогой высоко над Ранкате - вклиненные Мировым Водительством в середину между полной белой луной и багряным солнечным диском, - Бруно рассказал мне о речи господина Вазини в деревне, где родился Нонно. Выходит, оттого, что ему пришлось, двумя часами раньше, выступить с речью в родной деревушке Нонно, господина Вазини не оказалось в Лугано. Так благородной немецкой малышке, не заставшей господина Вазини в Лугано в Camera di Lavoro (собиралась ли она на самом деле к господину Вазини или её тайком тянуло к Нонно?), сподобилось быть частью текста, который мир в честь завершения Нонно вписал в себя. Чтобы читать текст мира, внешне крайне запутанный и сопровождаемый нескончаемыми оговорками, я должен строго различать двоякое: мои свободы и *причины* моих свобод - значительная мысль, мысль, достойная внимания, после того как поэтам давно уже ничего не приходит в голову. Важно, что я постигаю эту достойную внимания мысль: я действую свободно, а *причины* моих свобод *вижу* я, непрерывно входя в себя из образов окружающего меня мира. Причины расположены в ранговом порядке, от явных до скрытых и самых последних. Мы, люди, свершаемая из любви наших умерших, в последнем и самом последнем счете мы свершаемая, как живущие вместе люди, из любви Первого Умершего, Человека, который ОДИН. Моральный миф Запада оказывается неправдоподобно пресным, когда я начинаю догадываться о конечных и самых последних причинах моих свобод. Это как при рисовании: художник постоянно рисует набум, и лишь когда его картина готовая висит на стене мастерской (не раньше), он знает, что он *хотел* нарисовать. Так и я хочу чего-то (скажем, справедливости для Гогенгейм), чтобы потом осознать, что причина поволненного мною лежит в смерти Нонно, тогда как в действии Нонно, которое, по сути, производится теперь самим миром, моя свобода является его неотъемлемой составной частью. Мы свершаемая в последнем и самом последнем счете из полномочия Одного Первого Умершего. Также и история с Бертой Визер относилось к одной главе почитания умерших. На перроне в Малоне 26.1.51, когда я провожал моего знакомого на вечерний поезд, от меня не ускользнуло, что дежурная заместительница "Кампаньи" вежливо поздоровалась со мной, сказав "buona sera", хотя я не был с ней знаком. Я решил повременить с ответом, что мог бы мир иметь в виду этим знаком внимания. После отбытия поезда, уходя с перрона по ступенькам, ведущим вниз к большой кантональной улице, я слышу, как на перроне окликают кого- то, или, в сущности, я пропускаю

это мимо ушей, так как меня это не может касаться, раз уж из нескольких персон на перроне мне не знаком никто. Я не знаю, то ли из любопытства, то ли из своего рода шуточной добросовестности, но я всё же оборачиваюсь в сторону окликающей персоны. Оклик обращен ко мне. Это заместительница "Кампаньи", она подходит ко мне с каким-то сравнительно молодым господином, держащим в руке листок бумаги - судя по всему, господин прибыл поездом, который только что отъехал. Господин с листком, объясняет она мне, ищет адрес одной местной особы. Я понял: наверное, особа, которую ищут, немецкий швейцарец, и заместительница считает, что я знаю, о ком речь. Тут бойкий молодой господин сам вмешался в разговор, считав с листка: "una signora Wyser". Я ответил, по зрительному наитию, на швейцарско-немецком: имя, о котором он спрашивает, мне незнакомо, но я охотно взялся бы ему помочь. Господину из Цюриха (что он был цюрихцем, явствовало из его речи) мое предложение пришлось по душе. Я заметил, что целесообразнее всего было бы проконсультироваться у почтового служащего Педринга, в почтовом отделении напротив stazione. Нам повезло, на почте горел еще свет, хотя было уже 6ч. 05м., а Педринг по обыкновению запирает ровно в шесть. Педринг уточнил, что речь идет о некоей signora *Берта* Визер, он сформулировал свой ответ таким образом, что смог трижды произнести слово "Берта", ему нравится выговаривать немецкие слова с подчеркнутой корректностью, некоторое время он служил на почте в Цюрихе. Педринг подробно описал мне расположение искомой квартиры: это возле дома Перони, о котором господину следует справиться, именно: не Педрони, а - Педринг продемонстрировал убедительную губную гимнастику - Перони; не Педрони, а Перони. Так как уже темно, я сопровождаю господина настолько, что он уже не может сбиться с пути. Он уехал сегодня чуть свет из Цюриха в долину Маджиа, на самый верх. Он представитель мебельной фирмы. В Лугано он ищет квартиру из 4-5 комнат, чтобы разместить в ней выставочные залы для торгового дома и устроиться самому, по возможности расположенную в центре, не знаю ли я случайно чего-нибудь в этом роде. Увы, я должен был ответить отрицательно. Он отправится сегодня девятичасовым поездом обратно в Цюрих. Мне просто по сердцу люди, которые с легкостью открывают душу; есть другие, можно десять или двадцать лет каждый день общаться с ними и не знать, кто они. Прощаясь, господин представился по имени, я тоже; он, возвратясь поздно ночью в Цюрих, расскажет своей жене, как некий любезный господин в Малоне помог ему разыскать жилище одной клиентки; о сумасшедших идеях под шляпой любезного господина ему будет нечего поведать своей жене, ибо он не мог же заметить и знать, что мне как раз из Цюриха была оказана миром честь быть "Визером", в рамках одной главы почитания умерших, - когда я свершаюсь извне из мира, который Один.

Ламоне, 21 февраля 1951 года

(Говорят, Андре Жид, умерший вчера в возрасте 81 года в Париже, любил - как я читаю об этом сегодня - Новалиса.)

Примечание:

1. Wyser, швейцарско-диалектальная форма от Weiser, мудрый или указующий (*прим. пер.*).
2. Нонно по-итальянски дедушка (*прим. пер.*).
3. 23 февраля день рождения Баллмера, 1861 - год рождения Рудольфа Штейнера (*прим. пер.*).
4. Terribles simplificateurs - ужасные упростиатели (*франц.*).
5. Биржа труда (*итал.*).
6. Прямо генерал (*итал.*).
7. Schuld: долг и вина (*прим. пер.*).
8. А кроме того я утверждаю, что Вечный не может умереть (*лат.*).